

В.А. Черненко

Харьковский национальный экономический университет
к. филос. н., доцент кафедры философии и политологии

ЭТОС «НЕВОЗМОЖНОГО» КАК ПАРАДИГМА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ XXI ВЕКА

В статье рассматриваются этические аспекты современного гуманитарного знания. Анализируется формообразующая роль личности в культуротворческой динамике, которая опознает себя как бесконечная возможность, так как неизбежно ставит под вопрос всякий достигнутый практически и теоретически результат и проникает во все новые горизонты, необозримо раскрывающиеся перед ней. Как писал К. Ранер: «Человек всегда остаётся тем сущим, к которому неподконтрольная и молчаливая бесконечность реальности приходит как тайна».

Ключевые слова: этос, личность, бытие, экзистенция, трансценденция.

В.А. Черненко

ЕТОС «НЕМОЖЛИВОГО» ЯК ПАРАДИГМА ГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ XXI СТОЛІТТЯ

У статті розглядаються етичні аспекти сучасного гуманітарного знання. Аналізується формотворча роль особистості у культуротворчій динаміці, яка пізнає себе як нескінченна можливість, так як неминуче ставить підпитання всякий досягнутий практично і теоретично результат і проникає у все нові горизонти, неосяжно розкриваються перед нею. Як писав К. Ранер : "Людина завжди залишається тим сущим, до якого непідконтрольна і мовчазна нескінченність реальності приходять як таємниця".

Ключові слова: етос, особистість, буття, екзистенція, трансценденція.

V. Chernenko

THE ETHOS OF THE «IMPOSSIBLE» AS A PARADIGM OF HUMANITARIAN KNOWLEDGEXXI CENTURY

The article discusses the ethical aspects of modern humanitarian knowledge. Analyzed forming role of personality in artistic dynamics that identifies itself as an infinite possibility, as it inevitably calls into question every made practically and theoretically result and penetrates into all new horizons vast drop-down before her. As K. Raner wrote: "The person always remains to those real to which the uncontrollable and silent infinity of reality comes as secret".

Keywords: ethos, personality, being, existence, of transcendence.

Этос гуманитарного знания заключается в воспроизводстве ответственной личности способной к самодетерминации. Личности, способной выстраивать мотивацию своего поведения, не столько опираясь на традицию, сколько на самостоятельное ответственное суждение в горизонте конечности и постоянного риска (по словам М. Бахтина «своего не-алиби в бытии»). Личности, способной противостоять чисто механическому соединению элементов Мира рядоположенных в пространстве и времени. Личности, открытой неопределенности возможного, способной брать на себя ответственность, быть гарантом внутренней связивзаимопроникающей мировой коэкзистенции: *мера моей личности прямо пропорциональна той мере неопределенности, за которую я готов нести ответственность.* «В основе единства

ответственного сознания лежит не принцип как начало, а факт действительного признания своей причастности к единому бытию-событию, факт, не могущий быть адекватно выражен в теоретических терминах, а лишь описан и участно пережит...» [2; с. 41]. Из этого факта рождается восприятие мною Мира не как случайной данности, а чего-то такого, что требует основания (обоснования). Это требование – способность переживать предмет и Мир в целом, как действительную единственность, что в свою очередь обусловлено моей единственностью. Однако плата за это – ощущение, что я нахожусь в мире безысходной действительности, а не случайной возможности; осознание собственного не-долженствования в бытии (как раз то, что пытался втолковать Воланд Берлиозу на патриарших прудах в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова), и стремление обрести это долженствование, встав на путь разворачивания взаимоотношения с трансцендентным (священным), либо на путь мужественного погружения в абсурд существования (Сизиф А. Камю). «Структура ответственной жизни определяется двояким образом: через связь/обязательство жизни с человеком и Богом и через свободу собственной жизни. Именно связь/обязательство жизни с человеком и Богом располагает эту структуру в свободе собственной жизни. Без этой связи и без этой свободы нет никакой ответственности. Лишь в связи/обязательстве ставшая самоотверженной жизнь стоит в свободе собственной жизни и деятельности» [3; с. 261]. Личность не дана самим фактом наличия Мира, она может проявиться или не проявиться в Мире: конечность – страх – отчаяние/любовь – долженствование – ответственность – поступок – Личность. Моё не-алиби в мире «...создаёт конкретное долженствование – реализовать всю единственность, как незаменимую во всем единственность бытия, по отношению ко всякому моменту этого бытия, а значит, превращая каждое проявление моё: чувство, желание, настроение, мысль – в активно-ответственный поступок мой» [2; с. 54]. Однако необходимо отдавать себе отчёт в том, что личностное начало может стать проводником как добра (Христос, Будда...), так и метафизического зла (Гитлер, Сталин...) в мире. Это зависит от того, отчаяние или любовь будут положены в основание её (личности) экзистенции. Ценностное многообразие бытия «может быть дано только любовному созерцанию, только любовь может удержать и закрепить это много- и разнообразие, не растеряв и не рассеяв его...только любовно заинтересованное внимание может развить достаточно напряжённую силу, чтобы многообразие бытия, не обеднив и не схематизировав его» [2; с. 59]. Мир не подчиняется какой-либо закончено-выделенной этической системе – это показал крах идеологий XX века. Мир может быть восполнен лишь любовью, причем любовью «невозможной», той, что не может полностью реализоваться только в этом мире, а взыскует мира горнего. Задача гуманитарного знания оформлять и удерживать данный «этос невозможного», постоянно воспроизводя его. При этом, необходимо помнить – этос – это то, что формируется в условиях неопределённости, что, в свою очередь, может восприниматься либо как проклятие, либо как благословение («Ах, это была жизнь? Ну, что ж, еще раз!» Ф. Ницше).

В свое время Платон, пытаясь ответить на извечный вопрос онтологии «Почему есть нечто, а не ничто?», ввел категорию «Блага»; быть – более благое состояние, чем не быть. Христианство дополнило эту мысль, указав на то, что благо заключено не в самом факте существования, и подтверждение тому – хрупкость самой жизни, а в бытии как предложенном Даре, который может быть, как принят, так и отвергнут (Иван Карамазов). Благо – это и есть этость (этос) вот-этого-самого конкретного единственного бытия личности, который противостоит единственному уникальному Творению в ценностно-эстетическом акте взаимоприятия, как равное равному. «Момент уже-наличности во всем бытии, уже содержательно определившийся лик бытия – этость бытия нуждается во внесмысловом оправдании, ибо она только фактична (упрямо налична) по отношению к заданной полноте событийного смысла... Все, что уже есть, неоправдано есть, оно как бы

осмелилось уже определиться и пребывать (упрямо) в этой своей определенности в мире, который весь еще предстоит в своем смысле, в своем оправдании, подобно слову, которое хотело бы сплошь определиться в еще недосказанной и недодуманной фразе» [2; с. 194].

Человек присутствует в Мире, раскрывая его. Иными словами «Бытие приобретает свою ценность через сообщение себя» [1; с.236] Это раскрывание характеризуется определенными параметрами:

1. Параметр предельной заинтересованности человека в себе самом (самодвижение в горизонтах смысла и цели – вера по П. Тиллиху).

2. Параметр предельной интеграции – возможность мыслить невысказанное, устремленность к которому «высвобождающее укрывает» (по М. Хайдеггеру) непотаенность самого бытия. «Стремясь к невысказанному, человек стремится к Иному по отношению к сущему и себе, соотносительность с которым и позволяет сущему быть сущим, а ему – быть человеком, Dasein. Возможно же это только в открытости миру, проникновенном и всегда немного отрешенном приобщении к состоянию «мирования мира» (Weltwelten). Быть-в-мире здесь означает для человека и быть свободным от мира...» [7; с. 7].

3. Вдвинутость в Ничто: «Человек вовлечен в трансценденцию бытия, поэтому его осевая линия самопроявления состоит в том, чтобы раскрыть эту вовлеченность, дать голос бытию как таковому, а с этим соответственно погрузить себя как отдельное уникальное сущее в состояние нирваны, открывая тем самым дорогу чистому, незамутненному сущим, проявлению бытия как такового» [6; с. 393], читай – не-бытия как такового.

Известно, что М. Хайдеггер не писал работ, в названии которых фигурировали бы слова «этика», «этическое». Однако, поставив вопрос о бытии не как о налично сущем, а как о возможности отношения человека к сущему, он сформулировал и вопрос об этическом, так как этическое возникает там, где возможно отношение чего-то к чему-то (с чем-то) – со-отношение. Структура этого отношения выявлена Хайдеггером через три экзистенциала: тоску, заботу и ужас. Все они приводят к негации сущего, его провалу в без-основное (un-heimlich), тогда человек прорывается к подлинному фундаментальному бытию как ничтожности; выходит за границы налично данного. Сама эта без-основная ничтожность стоит как бы «по ту сторону добра и зла», т.е. является этически нейтральной. Этическое возникает там, где есть различие между должным/не-должным. По Хайдеггеру должное – это риск всмотреться в бездну безосновного бытия, воспринимать налично данное в горизонте его погруженности в не-наличное (отсутствующее присутствие ничтожности). В свою очередь Ничто есть условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия. Ничто не составляет, собственно, даже отношения к сущему, а исходно принадлежит к самой его основе. В бытии сущего совершает своё ничтожение Ничто. Но что дает такой прорыв к без-основному человеку? Он даёт возможность добровольно брать на себя моральные обязательства: «Взвалив на себя обязательства свободным выбором, я выбираю этим весь остальной мир, как бы проецируя его в будущее, и впредь несу ответственность за свой проект» [6; с. 158]. С другой стороны, разомкнутость моего бытия (через причастность без-основному) дает мне привилегию иметь собственное внутреннее отношение к необходимости собственного существования: «Счастье человека зависит не от его конкретного положения в мире, а от того, как он воспринимает и внутренне оценивает свою включенность в мир» [4; с.194].

Таким образом, этическое действие исходит из онтологии свободы (нравственность есть автономия воли). Но: 1) свобода предшествует действию (т.е. акту Творения); или 2) свобода только и может проявить себя в Творении (т.е. Ничто есть необходимость, а Творение – свобода)? Без-основное в нас стремится к осуществлению; мы можем

открыться тому без-основному в нас, которое превосходит нас самих, но эта открытость может осуществиться как негативно, так и позитивно. Иногда может создаться впечатление, что Хайдеггер как бы умышленно избегает этического; этика возникает после забвения бытия. Этическое – это то минимальное, что остается нам после утраты истины бытия, которая вне этична («по ту сторону добра/зла»). Эта позиция немецкого философа XX века удивительным образом перекликается с положением даосизма: добродетель появляется после утраты Дао, гуманность – после утраты добродетели, справедливость – после утраты гуманности, почтительность – после утраты справедливости. Хайдеггер пытается представить фундаментальную онтологию этически нейтральной. Возможно, что он бы согласился с высказыванием своего современника Э. Сиорана: «Невозможно уклониться от существования при помощи объяснений, его можно только выносить, любить или ненавидеть, обожать или бояться, принимая чередование блаженства и ужаса, отражающее сам ритм бытия, его вибрации, его диссонансы, его горькие или радостные исступления» [9; с. 48]. Однако само это суждение уже содержит в себе этические дефиниции. Возможно, что сама эта без-основная ничтожная нейтральность без-основного взыскует ценностно-целеустремленной этической направленности (оформленности), которую может осуществить лишь Dasein – то единичное вот-это-бытие, что способно на этически ответственный поступок. «Место морали там, где все зависит от решения индивида, от его решимости взять на себя риск поступка. Поступок есть форма нравственной ответственности потому, что он не может быть совершен никем, кроме того, кто его совершает, ибо в той точке бытия, в которой имеет место поступок, находится только он» [5; с. 9]. «Он» – это тот «единственный одиночка» С. Кьеркегора. Только единственный способен воспринять мир трагикомично. Только единственный примет или отвергнет дар Бытия. Онтология мира – это извечное всеобщее «Да!», но каждое возникающее – это единственное «Нет!». «В глубине личности, как замысел её, обнаруживается чистое восприятие другого, «сплошные глаза»... в истинном же состоянии мы – Никто, мы «далеки и безымянны». Только самое единственное, одинокое отвечает на широчайший круг непринудительных причин» [8; с. 388].

По М. Бахтину – бытие выталкивает единственного, чтобы он решился на поступок, т.е. отнесся к бытию не только как к данности, но в первую очередь как к возможности, и понес ответственность за возможное будущее бытия. Это и есть Хайдеггеровское «стоять в просвете бытия» (быть живым). «Единственность наличия бытия... обязывает. Обязывает выбирать, совершать поступок, быть ответственным. Нравственная ответственность – ответственность, от которой нельзя уклониться, ибо человек не может не поступать, и это – ответственность, в рамках которой индивид отвечает своим существованием, его качеством и смыслом» [5; с. 9].

Таким образом, просвет бытия – призыв человека к поступку, который может быть самообоснован выбором приятия или отвержения мира, что, в свою очередь самообосновывает субъекта совершающего выбор – Личность, проступающую из поступков, возможность которых обуславливает бытийное «Да!». Человек – тот, кто связывает со-бытия Мира в Мировое, делая их одно-для-другого, одно-во-имя-другого. «Именно субъекты не только обладают познанием и завершают его в себе, но и судят об истине как таковой: лишь в акте суждения об истине последняя осуществляется в полном смысле – как открытость бытия...» [1; с. 21]. По мнению богослова Г.У. фон Бальтазара из способности видеть вещи в перспективе абсолюта, открытости человеческого бытия вечности только и возможна идея долженствования (как постоянной перспективы), а также способность обещать и хранить верность.

Онтология Мира не есть данность голого наличия сущих. Она есть предложение дара бытия, как Творения, вступить с ним в отношение, которое в любой момент может

быть подвергнуто риску быть разорванным, прерванным, превращенным из формы взаимного признания в форму господства/подчинения...насилия.

Перечень ссылок

1. Бальтазар, Г.У. фон. Теологика [Текст] / Ганс Урс фон Бальтазар; перевод. с нем. (Серия «современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2013. – xxiv + 301 с.
2. Бахтин, М.М. Работы 20-х годов [Текст] / М.М Бахтин. – Киев: «Nehx», 1994. – 384 с.
3. Бонхоффер, Д. Этика [Текст] / Д Бонхоффер ;перевод. с нем. (Серия «Современное богословие»). – М.: Изд. ББИ, 2013. – 501 с.
4. Гусейнов, А.А. Античная этика [Текст] / А.А. Гусейнов. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
5. Гусейнов, А.А. Мораль как предел рациональности [Текст] / А.А Гусейнов // Вопросы философии №5. М., 2012 – С. 4 – 11.
6. Доброхотов, А.Л. Избранное [Текст] / А.Л Доброхотов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека А. Погорельского»). – 427 с.
7. Хайдеггер, М. Сборник статей [Текст] / М. Хайдеггер – сост. Д.Ю. Дорофеев. – СПб.: РХГИ, 2004. – 576 с.
8. Седакова, О.А. Сочинения [Текст]: в 4 т. / О.А.Седакова, Т. 2. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и науке, 2012. – 576 с.
9. Сиоран, Э.М. Испытание существованием [Текст] / Э.М.Сиоран; перевод с фр., предисл. В.А. Никитина, редак., примеч. И.С. Вдовиной. – М.: Республика; Палимпсет, 2003. – 413 с.